

Майкл Муркок
перевод Виктора Беньковского

breakfast in the Ruines завтрак на руинах breakfast in the Ruines

Глава 6
ЛОНДОНСКАЯ ПОТОГОНКА
1905: ПОСЛАНИЕ
(окончание)

Он услышал, как внизу открылась входная дверь. Карл поднял глаза на Коврина. Видно было, что русский тоже это услышал. Карл кивнул. Это мог быть лишь Песоцкий. Коврин слегка отодвинул Карла и быстро начал спускаться по ступенькам. Карл вскочил и последовал за ним.

Когда они достигли коридора, огарок свечи еще тлел. Стало ясно, что в коридоре никого нет. Коврин нахмурился. Его рука оставалась в кармане пальто. Он осторожно заглянул в отрезок коридора за лестницей.

— Песоцкий?

В ответ тишина.

А затем дверь внезапно широко распахнулась, и на фоне более светлого проема обрисовалась фигура Песоцкого. Песоцкий был без шляпы. Он тяжело дышал, глаза у него были дикие.

— Господи Иисусе Христе! Никак Коврин? — выдохнул он.

Коврин сказал спокойно:

— Коврин, Коврин...

— Ладно, — сказал Карл, — мои пять шиллингов, мистер Песоцкий.

Коротышка, не обращая внимания на протянутую руку, быстро заговорил с Ковриным.

— Весь наш план полетел к черту. Тебе не надо было сюда приходиться...

— Я был вынужден. Дядя Федор сказал, что ты знаешь, где скрывается Черпанский.

Без Черпанского совершенно бессмысленно... — Коврин осекся, когда Песоцкий знаком призвал его к молчанию.

— Наши друзья — они следили за мной несколько дней. О Черпанском они не знают, но им известно о треклятом станке Федора. Они охотятся за станком, чтобы его уничтожить. Но я их единственная ниточка. Поэтому мне пришлось оставаться в тени. Я слышал, что ты был у Федора и ушел в сторону Уайтчепла. Я пошел за тобой, но, боюсь, за мной хвост. Нам лучше сматываться, не теряя ни минуты.

— Мои пять шиллингов, сэр, — напомнил Карл. — Вы обещали.

Несколько долгих секунд Песоцкий недоуменно смотрел на Карла, затем обратился к Коврину:

— Черпанский сейчас здесь, в этой стране. Его укрывает кто-то из наших английских товарищей. Я полагаю, он в Йоркшире. Ты можешь добраться туда поездом. Выбравшись из Лондона, ты будешь в достаточной безопасности. Их интересуешь не ты. Они охотятся в основном за печатными станками. Им начхать, что мы здесь делаем, пока наша продукция не начнет переправляться в Россию. Слушай, если тебя устроит Кингс Кросс Стейшн...

Дверь снова распахнулась. За дверью стояли двое, один позади другого. Оба были толстыми. На обоих были черные пальто с меховыми воротниками и котелки. Оба выглядели как преуспевающие бизнесмены. Тот, что стоял впереди, улыбнулся.

— Ну вот, наконец-то! — сказал он по-русски.

Карл заметил, что у второго под мышкой шляпная коробка. Коробка не соответствовала ситуации. С этой коробкой что-то было не так. Карл начал медленно отступать вверх по лестнице.

— Задержите его! — крикнул первый толстяк. Из тени на второй площадке выступили еще двое. В руках у них были револьверы. Карл замер посреди лестницы. Так вот что зна-

чил звук открывающейся двери, который привел их с Ковриным сюда, вниз!

— Недурственное прикрытие, товарищ Песоцкий, — сказал главный. — Сегодня вы, кажется, так зоветесь?

Песоцкий пожал плечами. Он, похоже, совершенно пал духом. Карл гадал, кем мог быть эти хорошо одетые русские. Ведут себя как полисмены, но британская полиция, насколько Карлу было известно, не берет на службу иностранцев.

Коврин хмыкнул.

— Малыш капитан Минский, не так ли? Или вы тоже успели сменить имя?

Минский облизал губы и сделал несколько шагов по коридору. Было очевидно: он не ожидал, что Коврин его узнает. Он уставился Коврину в лицо.

— Я вас не знаю.

— Ну-ну-ну, — сказал Коврин спокойно. — Что это вас в иностранный отдел перевели? Или ваше варварство даже для Петербурга оказалось чересчур?

Минский улыбнулся, будто услышал комплимент.

— В Петербурге мне нынче делать нечего, — сказал он. — И народ интересный перевелся, и работенки-то толковой нет. Вечная трагедия полицейского. Стоит добиться хоть какого-нибудь успеха, как тут же становишься ненужным.

— Вампир! — прошипел Песоцкий. — Неужто тебе еще мало? Неужто тебе нужно высосать последнюю каплю крови?

— Очень, очень похоже на вас, Песоцкий, — терпеливо заметил Минский. — Вам положительно необходим мелодраматический элемент, всегда и во всем. Если мне позволено будет заметить, это ваша главная слабость. Знаете, что я вам скажу? Все вы — несостоявшиеся, непризнанные поэты. Для политической карьеры людей хуже вас трудно себе представить.

Песоцкий мрачно пробурчал:

— Ну, на этот раз вы оказались в дураках, господин Минский. Типографии-то здесь нет, хоть тресни. Здесь просто подпольная швейная потогонка.

— Я уже отметил вашу прекрасную маскировку, — возразил Минский. — Или ваши поэтические души жаждут еще одного комплимента?

Песоцкий пожал плечами.

— Ну, тогда желаю вам удачного обыска.

— У нас нет времени для нормального обыска, — сказал Минский. Он кивнул в сторону человека со шляпной коробкой. — У нас тоже, знаете ли, возникают трудности. Дипломатические проблемы и тому подобное. — Минский извлек часы из-за пазухи. — Впрочем, я думаю, у нас есть еще целых пять минут.

Карлу было почти что смешно. Похоже, капитан Минский всерьез считает, что здесь спрятан печатный станок.

— Начнем сверху? — осведомился Минский. — Вы ведь оттуда спустились, насколько я понимаю?

— Как может быть печатный станок наверху? — фыркнул Песоцкий. — Никакие перекрытия не выдержат.

— Последний обнаруженный мной станок был самым аккуратным образом распределен по нескольким соседним комнатам, — сообщил Минский. — Прошу наверх.

Они поднялись по лестнице на первую площадку. Карл предположил, что жители комнат на этом этаже наверняка уже проснулись и прислушиваются за дверьми. И снова Карл испытал острое чувство превосходства над ними. Один из людей, находившихся на площадке, помотал головой и указал выше.

Всемером они медленно поднимались по ступенькам. В руке у капитана Минского был револьвер. Карл отметил: рука была в перчатке. Трое других незнакомцев тоже держали в руках револьверы, подталкивая совершенно раскисшего Песоцкого и кипящего от бешенства Коврина. Карл указывал дорогу.

— Мои папа и мама здесь работают. Никакой типографии здесь нет, — проговорил он.

— Мерзость какая! — бросил Минский своему лейтенанту со шляпной коробкой. — Использовать детский труд на этой скотской работе. Вон там из-под двери пробивается свет. Открой-ка нам дверь, мальчик.

Карл открыл дверь рабочего помещения, изо всех сил пытаясь скрыть ухмылку. Его отец и мать все еще спали. Молодая женщина, которая ворчала на него, подняла голову и злобно посмотрела на них. Затем все семеро ввалились в комнату.

Минский сказал, обращаясь к Песоцкому и Коврину:

— О, какой невинный вид! Я тронут. Но только меня не проведешь. Я знаю, чем вы тут занимаетесь. Где станок?

Теперь все, кто сидел за столом, отложили работу и удивленно смотрели на Минского, в то время как он методично простукивал стену возле камина. Звук был глухой, но Карл понимал: это лишь потому, что стена тонкая. С другой стороны стены должна быть точно такая же комната. Однако Минского эта стена почему-то устроила.

— Клади ее сюда, — сказал он человеку с коробкой. — Нам пора уходить.

— Ну что, нашли станок, а? — Карл уже ухмылялся в открытую.

Минский ткнул его в рот стволом револьвера. Карл застонал, когда кровь потекла

по левой щеке. От удара он упал на спящих родителей. Они зашевелились во сне.

Коврин выхватил свой револьвер. Он вошел им из стороны в сторону, переводя дуло с одного агента тайной полиции на другого.

— Бросьте оружие! — крикнул он. — А ты давай, бери свою шляпную коробку!

Агент нерешительно посмотрел на Минского.

— Механизм уже установлен. У нас всего несколько секунд.

Карл понял, что в коробке бомба. Он попытался разбудить отца, чтобы сказать ему об этом. Теперь и люди, что работали за столом, повскакивали с мест. Все разом начали кричать. Дети вопили, женщины визгливо кричали, мужчины орали и ревели.

Коврин выстрелил в Минского.

Один из людей Минского выстрелил в Коврина.

Коврин начал валиться назад через дверь, и Карл услышал, как он упал на площадке. Песоцкий бросился на человека, который застрелил Коврина. Раздался еще один выстрел, и Песоцкий упал на пол. Кулаки его сжимались и разжимались, из живота толчками выливалась кровь.

Отец Карла наконец проснулся. Его глаза расширились от изумления, когда он увидел, что происходит. Он схватил Карла и притянул к себе. Проснулась и мать Карла. Она завизжала. Карл увидел, что Минский мертв. Трое других русских опрометью бросились из комнаты. Слышно было, как они бегут вниз по ступенькам.

Затем раздался взрыв.

Карл был защищен телами своих родителей, но почувствовал, как они содрогнулись, когда взрыв настиг их. Он видел, как маленький мальчик летит и ударяется о дальнюю стену. Он видел, как идет трещинами и вылетает окно. Он видел, как подается дверь, и как ее выдувает в темноту лестничной площадки. Он видел, как огонь взрыва медленно протянул щупальца во все стороны, а затем столь же медленно вошел в них. Он видел, как рабочий стол встал на торец, да так и остался, прислоненный к стене. Стол был обуглен и расщеплен. Штукатурка обрушилась со стены, обнажив кирпич. Кирпич теперь тоже был черным. Что-то оглушительно ревели. Затем все расплылось, и Карл увидел только слепящую белизну.

Карл закрыл глаза, а затем снова открыл их. Глаза саднили, однако он, пусть с трудом, но мог видеть, хотя газового рожка больше не существовало. В течение секунды или двух во всей комнате царил мертвая тишина. Затем со всех сторон раздалась стона.

Вскоре стоны заполнили собой все помещение. Карл заметил, что пол вздыбил-

ся там, где он еще недавно был ровным. Он увидел, что наружная стена раскололась. Сквозь громадную трещину в комнату вливался лунный свет. На полу двигались черные тени.

Теперь вся улица за домом наполнилась голосами. Голоса слышались сверху и снизу. Карл услышал, как кто-то бежит по лестнице. В глаза ему ударил свет. Кто-то сунулся с лампой в дверной проем и тут же со сдавленным воплем отпрянул. Карл поднялся на ноги. Он был невредим, хотя кожу саднило, а тело было исцарапано. Он увидел, что у его отца больше нет правой руки, и что из культи хлещет кровь. Он приложил ухо к груди отца. Отец все еще дышал. Мать держалась за лицо, повторяя, что она ничего не видит.

Карл выбрался на площадку и увидел людей, столпившихся на лестнице выше и ниже. Человек с лампой был сам мистер Армфелт. Сейчас он был в ночной рубашке. Выглядел он неважно. Мистер Армфелт стоял, уставясь на фигуру, прислонившуюся к стене напротив двери. Это был Коврин. Коврин истекал кровью, но все еще дышал. В правой руке у него по-прежнему был странный пистолет. Карл ощутил лютую ненависть к Коврину. Коврин был главным виновником происшедшего. Он подошел и снизу вверх посмотрел в глаза высокого русского. Протянув руку, Карл взял пистолет из вялых пальцев Коврина. Стоило пистолету перекочевать в руку Карла, как Коврин тут же упал на пол, будто пистолет поддерживал его. Карл посмотрел на него — теперь уже сверху вниз. Коврин был мертв. Царило молчание. Люди стояли и смотрели, будто бы перед их глазами разворачивалась какая-то особенно ужасающая мелодрама.

Карл взял лампу из дрожащих рук мистера Армфелта и вернулся в помещение. Многие из тех, кто работали здесь, были мертвы. Карл увидел, что молодая женщина была мертва. Тело ее все было изломано и переплетено с изломанным телом ее отца, тем самым стариком, который давеча сказал: «Такие мы все — жертвы». Карл фыркнул. Тело Минского взрывом было заброшено под расщепленную скамью. Однако Песоцкий в момент взрыва оказался вплотную к нише, где находились Карл и его родители. Песоцкий был жив, хотя и ранен. Он надрывно кашлял. С каждым спазмом на губах у него выступала, пузырясь, кровь. Он сипло сказал Карлу:

— Благодарствую, благодарствую. — Песоцкий сделал паузу, когда его снова скрутил кашель. Потом опять заговорил: — Благодаря тебе, парень, эти ослы взорвали бомбу не там, где нужно. Какая удача!

Карл изучал пистолет, который взял из

рук Коврина. Он пришел к выводу, что в принципе это самый обычный револьвер минимум с пятью патронами. Он взял револьвер обеими руками и указательным пальцем надавил на спусковой крючок. Раздался грохот, револьвер плюнул огнем. Отдачей Карлу рассекло губу и чуть не расквасило нос. Карл опустил револьвер пониже и поднял лампу, которую до этого поставил на пол. Он подошел к Песоцкому и осветил лампой его тело. Пуля прошла сквозь глаз Песоцкого. Тот был мертв. Карл обшарил пропитанную кровью одежду Песоцкого и обнаружил два шиллинга с мелочью. Он пересчитал монеты. Всего три шиллинга и восемь пенсов. Песоцкий солгал ему. У Песоцкого не было пяти шиллингов. Карл плюнул Песоцкому в лицо.

При звуке выстрела люди на лестнице невольно отступили. Только мистер Армфелт остался, где стоял. Он что-то быстро говорил себе под нос на языке, который Карлу был неизвестен. Карл заткнул револьвер за пояс и перевернул тело Коврина. В карманах пальто он обнаружил примерно десять фунтов золотом. Во внутреннем кармане были документы, которые он отбросил, и примерно пятьдесят фунтов асигнациями. Вместе с лампой Карл вернулся в помещение. Подойдя к родителям, он осветил слепое лицо матери и искаженное болью лицо отца. Отец был в сознании и что-то бормотал о докторе.

Карл кивнул. Было ясно, что доктор теперь побежит сюда прытью. Теперь семья Карла может себе это позволить. Карл держал деньги так, чтобы отец мог их видеть. Белые банкноты и сияющее золото.

— Я пригляжу за вами обоими, отец. Мы теперь заживем. Это неважно, что ты не можешь работать. Мы теперь будем respectable.

Карл увидел, что отец все еще не вполне его понимает. Покачав головой, Карл встал на колени и положил руку отцу на плечо. Он говорил ясно и терпеливо — так обращаются к очень маленькому ребенку, который никак не может взять в толк появившийся перед ним подарок на день рождения и не проявляет соответствующего энтузиазма.

— Теперь, отец, мы сможем поехать в АМЕРИКУ.

Он осмотрел культи. Почти вся ладонь была оторвана. С помощью тряпок Карл плотно замотал ее, остановив по возможности кровотечение.

А затем где-то в глубине желудка начали рождаться, поднимаясь вверх, рыдания. Карл не понимал, почему он плачет, но сдерживаться не было сил. Рыдания сделали его беспомощным. Тело его сотрясалось. Рыдания Карла были нельзя сказать, чтобы очень

громкими, но для слушателей это были самые страшные звуки за всю эту ночь. Даже мистер Армфелт, весь поглощенный истерическими подсчетами, смутно слышал эти звуки, впадая от них в еще большую печаль.

***

— Как ты думаешь, что это может быть? Съел что-нибудь не то? Может быть, тебе дать аспирин?

— Толку от твоего аспирина. Я не знаю, что вызывает мигрень. Возможно, ее вызывает сочетание многих факторов.

— А может быть, это попросту удобная и полезная отговорка, Карл? Скажем, как некоторые редкие формы подагры или туберкулеза? Одна из тех утонченных и изысканных болезней, наличие коих подтверждается лишь жалобами пациента.

— Спасибо за сочувствие. А теперь я могу поспать?

— Нашел же ты время страдать. Подцепить головную боль. И когда? Ведь ты только-только начал получать удовольствие.

***

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ? (6)

Вы живете в городе. Катастрофа была обусловлена социальными причинами, и Вы об этом знаете.

Никаких удобств, таких как газ, электричество, телефон, почтовая служба больше не существует. Из крана больше не течет вода. В кучах мусора, заполнивших город, кишат крысы и прочие разносчики заразы. Начинается эпидемия. Вам известно, что по всей стране дела обстоят примерно столь же плохо. Вы знаете, что за пределами городов на чужих нападают и их убивают, стоит им попытаться осесть на новом месте. В каком-то смысле вне городов сейчас даже опаснее, чем в городе, где по улицам рыщут банды хищных мужчин и женщин.

Вы привыкли к городской жизни. У Вас есть дом, машина. Вам удалось взломать оружейную лавку по соседству и разжиться несколькими ружьями и пистолетами. Вы успели вовремя пожить в ближайших магазинах и гаражах, поэтому у Вас есть горючее и пища. У вас есть очиститель воды и полевой обогреватель. У Вас жена и трое маленьких детей.

Как Вы думаете, что лучше: выбраться из города и попытаться удачи где-нибудь на при-роде или же остаться здесь, ежедневно прикладывая титанические усилия, чтобы выжить и защитить себя и свою семью в городской обстановке, к которой Вы привыкли?